

Эта бессмысленность, доведенная до пределов – и есть проблема, о которой говорит литература Новой Драмы.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Ж. ДЕЛЁЗОМ

О. А. Козырева

Со второй половины XX века проблема субъекта становится одной из центральной проблем континентальной традиции философии. Знакомые сегодня всем идеи смерти автора (Р. Барт), исчезновения субъекта (Э. Левинас), смерти человека (М. Фуко) продолжают циркулировать не только в профессиональной философской среде, но и в пространстве массовой культуры, становясь своеобразными «ярлыками» того, что значит жить в эпоху постмодерна. Отказ – или, по крайней мере, стремление к отказу – французских мыслителей постмодернизма от использования категории субъекта нередко ставится им в упрек теми, кто видит за подобными проектами философии без субъекта угрозу превращения человека как единицы общества в безответственного и беспринципного, аморального и апатичного индивида. Оставляя в стороне попытку обрисовать столкновение двух позиций по проблеме субъекта (отказ от дальнейшей разработки этой категории или желание ее сохранить), мы хотели бы обратиться к рассмотрению концепции одного из французских философов, который стремился избавиться от традиционного в западноевропейской философии представления о субъекте как об активном, самостоятельном, действующем начале.

Другими словами, мы собираемся представить анализ категории субъекта в философии М. Фуко – мыслителя, ставшего своего рода «классиком» в попытке низвержения классической философии. Бытует мнение о том, что, несмотря на «уничтожение» субъекта, Фуко в последних работах все-таки возвращается к нему, когда начинает говорить о влиянии древнегреческой мысли на становление философии и исследует понятие «заботы о себе». Этот двойственный характер категории субъекта, его роли и места в дискурсе заставлял многих комментаторов говорить о том, что в итоге Фуко так и не сумел отказаться от использования данной категории и «воскресил» убиенного же им самим субъекта. Такая непонятная на первый взгляд двойственность по отношению к проблеме субъекта приводит к идеям о том, что проделки постмодернистов успехом не увенчались и на самом деле «Субъект жив».

Однако подобные выводы возникают лишь при недостаточно глубоком погружении в философскую систему Фуко и следуют из тех ее интерпретаций, которые производятся буквально на поверхности

его текстов, что как раз и не позволяет оказаться по ту сторону противоречий. Более системный взгляд на философию Фуко способен их преодолеть, и поэтому имеет смысл обратиться к интерпретации, предложенной Ж. Делёзом. Он выстраивает из разрабатываемых Фуко тем общую концепцию и заявляет, что «говорить о том, что Фуко вновь вводит субъекта, не имеет никакого интереса. Почему? Потому что Фуко не вводит вновь субъекта, а предлагает нам определенную концепцию того, что называется способом или процессом субъективации»³⁹⁶.

Однако прежде чем рассмотреть содержательную составляющую интерпретации Делёза, необходимо указать методологическое основание для возможности историко-философских реконструкций, как его мыслил сам Делёз. Дело в том, что интерпретация для него всегда представляла как конструирование, а не как разгадывание потаенного смысла и его репрезентация: историко-философское произведение является своеобразным симулякром, стирающим различие между оригиналом (текстом изучаемого мыслителя) и копией (историко-философской интерпретацией этого текста). Философ не существует до тех пор, пока историк философии не создаст его, а в этом случае говорить об истинности копии и о ее близости к оригиналу смысла нет, ведь оригинал как таковой творится историком философии в момент его собственного философствования.

По сути, такое понимание взаимоотношений философии и истории философии привело Делёза к неразличимости между ним самими и теми мыслителями, о которых он писал монографии. А. Бадью связывал подобный методологический подход Делёза с его онтологическими воззрениями (бытие как Единое) и отмечал, что «великие понятийные творения возвращаются. И исключительность Делёза функционирует как способность принимать это возвращение. Посредством чего его философия восстанавливает Спинозу, Бергсона или Ницше в их точной вечности, которая всегда является не более чем вечностью, — оживая лишь тогда, когда она актуализируется в живой мысли, — их потенциальности»³⁹⁷.

Таким образом, интерпретация Делёзом проблемы субъекта в философии Фуко представляет собой, с одной стороны, один из ее возможных вариантов прочтения, а с другой, является демонстрацией его личного отношения к проблеме субъекта. С некоторой долей условности мы можем говорить о том, что все, что Делёз

³⁹⁶ Deleuze G. La subjetivación: curso sobre Foucault III. 1a ed. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Cactus, 2015. P. 174.

³⁹⁷ Бадью А. Делёз. Шум бытия / пер. с франц. Д. Скопина. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; изд-во «Логос-Альтера»; «Ессе homo», 2004. С. 133.

говорит о субъекте у Фуко, применимо и к его собственной позиции по этой проблеме.

Поэтому Фуко для Делёза, также стремившегося создать философию без субъекта, никогда не говорил о субъекте в том смысле, какой обычно приписывают этому понятию. Безусловно, можно вести речь о том, что провозглашенная Фуко идея смерти субъекта была ключом к ниспровержению классической модели субъективности, как об этом, например, пишет А. В. Дьяков: «Вопреки расхожему убеждению, широко представленному в исследовательской литературе, субъект как таковой у Фуко не умирал, так что и воскрешать его не приходится. Мы уже много раз говорили о том, что Фуко ниспровергает не категорию субъекта вообще — он выступает против картезианской, рационалистической модели субъективности»³⁹⁸. Однако Делёз обнаруживает в мысли Фуко другое основание для мышления без категории субъекта, ведь процессы или способы субъективации, к которым, по мнению Делёза, и обратил взор Фуко в последние годы своей жизни, порождают не субъекта, а «себя самого» — эту трудно переводимую на русский язык конструкцию с пассивным значением.

Этот аспект пассивности выводит Делёза на понятие складки, которое, с одной стороны, он обнаруживает у Фуко, а, с другой, опять же развивает сам в качестве содержательного выражения своей концепции субъективности: «Фуко не использует слово “субъект” ни как личность, ни как форму идентичности, но говорит о “субъективации” как процессе и о “Я” как отношении (отношении к своему Я). <...> Речь идет о силовом отношении к самому себе (тогда как власть была силовым отношением с другими силами), речь идет о “складке” силы»³⁹⁹. Для того чтобы понять, почему в философии Фуко возникает этот мотив складки, Делёзу необходимо продемонстрировать, каким образом тот выстраивает свою философскую систему, и обнаружить в ней пустующее место, из которого с необходимостью «вырастает» данная идея.

Так, мышление Фуко, по Делёзу, выстраивается на трех основных осях — оси знания, оси власти и оси мысли. В первой речь идет о формах, во второй — о силах, в третьей — о «внешнем». Последняя ось, т. е. отношение с внешним, и представляет собой складку, которую Делёз отождествляет с процессом становления субъекта, субъективацией: «Наиболее общей формулой отношения к себе

³⁹⁸ Дьяков А. В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2. С. 52.

³⁹⁹ Делёз Ж. Переговоры (1972–1990) / пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 124.

является воздействие Я на самого себя или сила, сложенная в складку. Субъективация происходит путем образования складок»⁴⁰⁰.

Фуко отказывается, по мнению Делёза, от оппозиции внутреннее – внешнее и заменяет ее идеей, согласно которой существует лишь внутреннее внешнего, т. е. линия, которая производит свое собственное сгибание и тем самым образует внутреннее из того, что ранее было внешним. Там, где речь шла о внутреннем в его стандартной оппозиции к внешнему, всегда подразумевалось субъективное – то, что «от рождения» присуще субъекту, его способность мыслить. Но «в складке никогда нет субъекта, которого следовало бы обнаружить, но в ней есть субъективация, которую надо совершать. И субъективация – это субъективация самой линии. Это именно то, что я вам говорил: я сам это не я сам какого-либо Я»⁴⁰¹.

Таким образом, мы видим, что Делёз напрямую соединяет субъективацию и мышление посредством анализа понятия внешнего, и в итоге «немыслимое находится не снаружи мысли, а в самой ее сердцевине, как невозможность мыслить, которая удваивает или углубляет внешнее»⁴⁰². Так, у Фуко возникает тема двойника, которую и сам Делёз затрагивал в своей методологической работе «Различие и повторение», где писал о том, что мысль возникает в результате трещины в Я как нечто, что живет на границе между активным началом (Я) и пассивным (меня), как некая структура, получившая название Другого, так как «я не встречаюсь с собой снаружи, я нахожу другого в себе»⁴⁰³.

Бадью, анализируя философию уже самого Делёза, пишет, что для него «субъект (внутреннее) это тождественность мышления и Бытия»⁴⁰⁴. Складка и есть этот элемент, который обеспечивает связь между мыслить и быть: для того чтобы мыслить, необязательно быть субъектом. В этом и заключается отказ от субъективности как онтологической и гносеологической категории; на место субъекта приходит складка сил. Фуко же, с легкой руки Делёза, становится еще одной фигурой в философии тождества бытия и мышления – идеи, которая является основанием его философской системы, требующей исключения субъекта.

⁴⁰⁰ Делёз Ж. Фуко / пер с франц. Е. В. Семиной; вступит. ст. И. П. Ильина. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 136.

⁴⁰¹ Deleuze G. La subjetivación: curso sobre Foucault III. 1a ed. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Cactus, 2015. P. 195.

⁴⁰² Делёз Ж. Фуко / пер с франц. Е. В. Семиной; вступит. ст. И. П. Ильина. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 127.

⁴⁰³ Там же. С. 128.

⁴⁰⁴ Бадью А. Делёз. Шум бытия / пер. с франц. Д. Скопина. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; изд-во «Логос-Альтера»; «Ессе homo», 2004. С. 122.